

И.А. Матвеев

Томский политехнический университет

**Ньюгейтский роман Э. Бульвера-Литтона
«Юджин Эрам» в русских переводах**

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению проблемы переводов ньюгейтского романа Э. Бульвера-Литтона «Юджин Эрам» на русский язык, сделанных во второй половине XIX века. Представленный анализ выявил различные подходы к передаче поэтики ньюгейтского романа, обусловленные противоположными переводческими установками. С одной стороны, наблюдается упрощение текста и адаптация его к восприятию массового читателя, с другой стороны (в переводе Д.В. Аверкиева), очевидно стремление сохранить художественные особенности иноязычного произведения, своеобразие его проблематики и поэтики, созвучное русскому литературному процессу.

The article is devoted to the problem of the Russian translations of E. Bulwer-Lytton's Newgate novel «Eugene Aram» made in the second half of the XIX century. The analysis reveals different approaches in rendering Newgate novel poetics explained by the opposite purposes of translations. On the one hand, one can observe the text simplification and its adaptation for the mass readers. On the other hand, (in D.V. Averkiev's translation) there is an attempt to convey the literary peculiarities of the foreign novel, its subject matter and poetics corresponding to the Russian literary process.

Ключевые слова: ньюгейтский роман, поэтика, переводческий подход, адаптация, массовый перевод, массовый читатель, концепция главного героя, адекватная передача.

Newgate novel, poetics, translator's approach, adaptation, popular translation, popular translation, the concept of the main hero, adequate translation.

УДК: 821-31:821.161.1-31.

Контактная информация: Томск, ул. Ленина, 30. ТПУ, кафедра иностранных языков. Тел. (3822) 426349. E-mail: mia2046@yandex.ru.

Осмысление интересующей нас рецепции жанра ньюгейтского романа в русской литературе XIX в., до сих пор не привлекавшее внимание литературоведов¹, представляющееся значимым с точки зрения реконструкции жанровых систем английской литературы 1830–1840-х гг. и русской литературы 1860–1880-х гг., их типологии, а также выявления общих черт и различий, позволяет установить определенную преемственность жанрового развития в двух национальных литературах. Роман Э. Бульвера-Литтона «Юджин Эрам» (1832), предмет нашего внимания в данной статье, является одним из наиболее репрезентативных произведений с точки зрения реализации в нем ньюгейтской поэтики. В нем, с одной стороны, обнажаются социальные тупики, в которые попадает современный автору человек, общество в целом. Бульвер-Литтон пытается выявить корни преступности в социально-историческом, бытовом, реальном течении жизни. С другой стороны,

¹ См. об этом: [Матвеев, 2006, с. 211–215].

достаточно четко выражены романтические тенденции в изображении главного героя, его отношений с миром. Автор обрисовывает характер Юджина Эрама как сильной незаурядной личности, отличающейся сложнейшей внутренней жизнью, напрямую не зависимой от среды, что в последующем станет неотъемлемой чертой жанра ньюгейтского романа. Наконец, помимо социальных и нравственно-психологических корней, ньюгейтский роман Бульвера-Литтона, несомненно, имеет и свою философскую основу. История адаптации этих жанрово-стилевых поисков в русской словесности XIX в. богата и чрезвычайно показательна для осмысления отечественной классики, особенно русского классического романа.

В основе «Юджина Эрама» лежит реальная история, главным героем которой является учитель, работавший в семье Бульверов – Юджин Эрам, человек необычайного интеллекта, противоречивый, погруженный в себя. В действительности этот выдающийся ученый знал множество языков, в том числе латинский и древнегреческий, проводил исследование по компаративистике, результатом которого стало выявление связи между кельтским и европейскими языками. Из реальной истории Бульвер убрал все мешающие ему факты: существование жены и детей Эрама, образ жертвы преступления (из молодого человека был создан образ холодного и расчетливого соблазнителя), подозрения на Эрама во время следствия, т.е. все было направлено на романтическую презентацию героя, что делало его притягательным, несмотря на тот факт, что Эрам, несомненно, являлся убийцей. Однако Бульвер-Литтон прилагает все усилия, чтобы проникнуть в психологию этого необычного человека, выявить внешние и внутренние мотивы его преступления.

Вышедший в Англии в 1832 г. роман «Юджин Эрам» был переведен на русский язык почти три десятилетия спустя, хотя он довольно активно обсуждался в русской периодической печати сразу после публикации¹. Возможно, изначально роман читался в России во французском переводе или в оригинале, а потребность в его переводе на русский язык не возникала, так как сама тема сочинения не была востребована в русской литературе первой трети XIX в. Такая потребность появилась только в 1860-е годы, когда стали переводиться произведения Диккенса и Теккерея, по-своему трактовавшие тему преступности, когда в России «накануне крестьянской реформы, в бурную пору созревания революционной ситуации, в литературе на первый план выходят два главных вопроса: исследование сегодняшнего состояния народной жизни...; проблема главного героя, ищущего путей обновления современной жизни. <...> Если исследование народной жизни сосредоточили преимущественно разнообразные формы “малой” прозы, то решение проблемы героя досталось главным образом роману» [Жук, 1981, с. 105].

Первый русский перевод романа «Юджин Эрам» (анонимный) появился в журнале «Библиотека для чтения» (№ 1, 1860), затем в 1892 г. в «Вестнике иностранной литературы» (переводчик Д.В. Аверкиев²), что говорит о не спадающем интересе к произведению на протяжении второй половины XIX века. Сравнение этих переводов, сделанных с почти тридцатилетним интервалом, позволяет выявить различные тенденции в русском переводоведении и поэтике русского романа, проследить эволюцию переводческих принципов на протяжении 1860 – 1890-х годов.

¹ См. об этом статью: [Матвеев, 2007, с. 239–243].

² Аверкиев Дмитрий Васильевич (1836–1905) – драматург, прозаик, театральный критик, публицист. По окончании Петербургского университета в 1860 г. начал печатать фельетоны, театральные рецензии, стихи в газетах «Русский инвалид», «Северная пчела», еженедельнике «Якорь» и сатирическом приложении к нему «Оса». В 1861 г. знакомится с Ф.М. Достоевским. Близость с кружком почвенников (братьями Достоевскими, Ап. Григорьевым, Н. Страховым) сформировала интересы и творческие принципы журналиста и переводчика.

Различие в подходах к передаче произведения демонстрирует уже объем рассматриваемых переводов. В оригинале роман делится на книги, главы, предваренные подзаголовками и эпиграфами. В общем «Юджин Эрам» насчитывает 487 страниц, состоит из пяти книг, каждая из которых включает от восьми до одиннадцати глав. Переводчик «Библиотеки для чтения», следуя традициям данного издания создавать в основном образцы массового перевода, ориентированные на массового читателя¹, значительно сокращает произведение и упрощает его структуру. В частности, он опускает подзаголовки глав, эпиграфы, игнорирует деление на книги, а порой предлагает и свое членение текста на главы. Д.В. Аверкиев более серьезно отнесся к передаче внешней структуры сочинения, сохранил его объем, а также авторское деление романа на книги и главы, эпиграфы к каждой главе. Все это не могло не сказаться на передаче проблематики оригинала, в которой можно выделить несколько взаимосвязанных между собой субстратов: социально-исторический, нравственно-психологический, философско-религиозный, в целом составляющие основную канву произведения.

Красной нитью через повествование проходит проблема социального неравенства людей, которой озабочен главный герой романа. Вот, например, его монолог, произнесенный после общения с нищей старухой Даркменс:

<i>Eugene Aram</i>	<i>Библиотека для чтения</i>	<i>Перевод Д.В. Аверкиева</i>
<i>Oh! – said Aram, in low, but deep tone, – whe – when will these hideous disparities be banished from the world? How many noble natures – how many glorious hopes – how much of the seraph’s intellect, have been crushed into the mire, or blasted into guilt, by mere force of physical want? What are the temptations of the rich to those of the poor? Yet see how lenient we are to the crimes of the one, – how relentless to those of the other! It is a bad world, it makes a man’s heart sick to look around him. The consciousness of how little individual genius can do to relieve the mass, grinds out, as with a stone, all that is generous in ambition; and to aspire from the level of life is but to be more graspingly selfish (P. 71–72).</i>	<i>О! воскликнул Арам, когда будет изгнано неравенство на этом свете? Как много самых благородных натур, самых возвышенных умов пало от нужды, погрязло в безнравственности и преступлениях. Скверно на свете! Как-то болезненно сжимается сердце, как помотришь вокруг! Как тяжело сознавать, что ничего не можешь сделать для массы.</i>	<i>– О, – сказал Арам, – когда же исчезнет с лица земли отвратительное неравенство! Сколько благородных натур, сколько славных надежд, сколько ангельских умов затонуло в грязи, или выродилось в преступление в силу чисто физической нужды? Что значат искушения богатых по сравнению с соблазнами бедняков? А как мы снисходительны к проступкам одних и как неумолимы к другим! Нет, свет скверен; сердце тоскует глядя на него. Сознание, как мало может сделать одинокий гений для облегчения масс, давит, как камень, все великодушное в честолюбии, а возвышаться над уровнем жизни значит только становится жадным эгоистом! (С. 221).</i>

В оригинале речь Эрама пространна и эмоциональна, он отстаивает одну из основополагающих для него идей – о неизбежности преступления в судьбе нищего человека, об общественном неравенстве как главной причине преступности и порока. Чувства героя выражены через метафоры, перечисления, антитезы, ана-

¹ См об этом статью: [Матвеев, 2001, с. 161–163].

форы, восклицания, риторические вопросы, он употребляет возвышенную (*noble natures, glorious hopes, to aspire*) и даже библейскую лексику (*seraph's intellect, temptation*). Переводчик «Библиотеки для чтения» предпочел эти размышления Эрама о социальном неравенстве значительно сократить и упростить, из русского перевода исчез образ серафима, пропущен вопрос, содержащий важные для данного отрывка антитезы *rich – poor, lenient – relentless* (*What are the temptations of the rich to those of the poor? Yet see how lenient we are to the crimes of the one, – how relentless to those of the other!*), изменено синтаксическое оформление монолога (в нем сохранен только первый риторический вопрос, но появилось множество восклицаний, сама структура предложений упрощена). От этого, на наш взгляд, пострадал в целом и образ Юджина Эрама, и пафос его концепции личности, согласно которой человек от рождения благороден и в своих высоких устремлениях подобен ангелу, но в силу физической нужды, превращающей для бедняка в соблазн самое необходимое, вырождается в порок.

Подробный, почти буквальный перевод Д.В. Аверкиева транслирует эту идею в адекватной форме. При незначительном изменении синтаксиса (первый вопрос заменен восклицанием, последнее предложение также заканчивается восклицательным знаком), в данном фрагменте сохранено единоначатие серии риторических вопросов, задаваемых Эрамом самому себе («сколько»), представлена значимая для данного отрывка антитеза («богатых – бедняков», «снисходительны – неумолимы», передано сравнение («давит как камень») – то есть переводчик предельно точно постарался донести суть и форму речи героя.

Вместе с тем в романе Бульвера детально и последовательно представлены изломы натуры главного героя, изображенной во всей ее внутренней силе и слабости, в связи с чем высвечивается проблема отчуждения человека от общества. Однако, перевод «Библиотеки для чтения», демонстрирующий как основную тенденцию в передаче произведения «адаптацию» текста для массового читателя, чаще всего упрощает содержание подлинника в названном плане. Перевод в «Вестнике иностранной литературы» в целом достаточно точно передает авторскую мысль об идейной и морально-психологической подоплеке совершенного героем преступления.

«Это был философский роман о неминуемом моральном крахе сильной личности, имевший большой общественный смысл. В центре романа стоит проблема преступления, рассмотренная на этот раз в нравственном плане и превращающая «Юджина Эрама» в роман о гибели личности» [Купченко, 1976, с. 12] – так трактует проблематику романа М.Л. Купченко. Проблемы, поднятые в произведении Бульвера, показ несостоятельности идей утилитаризма, были весьма актуальны и для русской литературы второй половины XIX века. Как отмечает Б.Ф. Егоров, «именно английский позитивизм и оказал наибольшее влияние на русскую общественную мысль шестидесятых годов, так нуждавшуюся в практическом приложении теорий. <...> Английские позитивисты противостояли французским как утилитаристы и прагматики, защитники личной, частной инициативы и свободы» [Егоров, 1991, с. 22].

Не раз подчеркивая необыкновенную уверенность героя в своей незаурядности, в силе своего характера, в неограниченности своих возможностей, Бульвер-Литтон сравнивает его с Фаустом. Параллели с Фаустом прослеживаются уже с первого описания жилища Эрама. В этой связи необходимо отметить, что образ гетевского персонажа был чрезвычайно актуален для русских переводчиков 1860–1890-х годов, так как, по словам В.М. Жирмунского, хотя «другие произведения Гете исчезают во второй половине XIX века из сферы активных сил развития русской литературы, «Фауст» сохраняет свое значение для всего времени...» [Жирмунский, 1982, с. 392]. Интересно, поэтому проследить разные подходы русских переводчиков к передаче данной характеристики главного героя романа Бульвера:

Eugene Aram

*Библиотека для
чтения*

Перевод Д.В. Аверкиева

The room in which the sisters now found themselves was the most spacious in the house, and was indeed of considerable dimensions. It contained in front one large window, jutting from the wall. Opposite was an antique and high mantelpiece of black oak. The rest of the room was walled from the floor to the roof with books; volumes of all languages, and it might even be said, without much exaggeration, upon all sciences, were strewn around, on chairs, the tables, or the floor. By the window stood the Student's desk, and a large old-fashioned chair of oak. A few papers, filled with astronomical calculations, lay on the desk, and these were all the witnesses of the result of study (p. 33).

Комната, где сидели сестры, была самая большая в доме. В ней было только одно широкое окно, а напротив его огромный, старинный камин черного дерева. Вся комната была завалена книгами. У окна стояло бюро, и перед ним стоял старинный дубовый стул. На столе лежало несколько бумаг, – единственных свидетелей результата занятий. Замечательно, что Арам писал поразительно мало в сравнении с тем, сколько он читал (с. 17).

*Комната, в которой находились сестры, была **самой большой** в доме и в **самом деле** значительных размеров. В ней было одно широкое окно, выступавшее из стены. Напротив него над камином висел старинный и высокий колпак из черного дерева. Остальные стены были с полу до потолка заставлены книгами; Томы на всех языках и **без преувеличения почти можно сказать**, по всем наукам, валялись на креслах, столах и на полу. У окна стоял письменный стол и широкое старомодное дубовое кресло. На столе лежали бумаги с астрономическими вычислениями, и то были единственные свидетели результатов его занятий (с. 185).*

В описании комнаты Эрама делается акцент на множество книг «на всех языках» и «по всем наукам». На фоне античной мебели они создают явную аллюзию интерьера фаустовской рабочей комнаты. Очевидно, что переводчик «Библиотеки для чтения» отнесся к данной авторской интенции без должного внимания, в тексте перевода осталась лишь фраза: «Вся комната была завалена книгами», более детально перечисляются предметы мебели, что делает из помещения, где жил герой, совершенно ординарный интерьер, лишенный индивидуальных черт. Тем не менее, как считает К. Холлингсворт, «романтизация героя была преднамеренной. Бульвер представляет Эрама как человека, жаждущего знания с безграничным любопытством Фауста» [Hollingsworth, 1963, p. 87], создавая, таким образом, специфический характер ученого-эмпирика. Если учесть, что в переводе «Библиотеки для чтения» зачастую либо сокращаются описания интерьеров и внешнего вида героя, говорящие о его схожести с Фаустом, либо пропускаются его монологи-рассуждения о стремлении постичь законы вселенной, а также авторские отступления о близости Эрама к образу Фауста (гл. IV), то русскому читателю «Библиотеки для чтения» образ Эрама представлялся далеко не таким многогранным и символичным, каким он был в оригинале. Такой подход влиял и на передачу самой идеи произведения, мотивации действий главного героя – все это доносилось до читателя в весьма схематичном и обедненном виде.

Более серьезное отношение к данным элементам повествования демонстрирует перевод Д.В. Аверкиева. Детальная передача описания жилища главного героя с акцентом на его духовную деятельность как смысл жизни в целом соответствуют оригинальному образу романа. Подводит порой излишняя приверженность к дословной передаче, к стремлению перевести все фразы аутентичного текста без исключения, как например, «без преувеличения почти можно сказать».

Осмысливая образ Эрама, исследователи проводят параллели и с другим знаковым персонажем романтической литературы. Так, исследователи Э. Эндржел

и М.Ф. Кинг утверждают, что «Эрам смоделирован на байроническом одиночестве» [Engel, King, 1984, p. 44]. Сравним один из важнейших монологов героя в подлиннике и в переводах:

<i>Eugene Aram</i>	<i>Библиотека для чтения</i>	<i>Перевод Д.В. Аверкиева</i>
<i>But, indeed, this perpetual talk of 'mankind' signifies nothing: each of us consults his proper happiness, and we consider him a madman who ruins his own peace of mind by an everlasting fretfulness of philanthropy (P. 150).</i>	Я же далеко не этого мнения; я уверен, что один человек ничего не в силах сделать для целого света. Не лучше ли думать о своем счастье? Я считаю сумасшедшим человеком того, кто нарушает свое внутреннее спокойствие из любви к человечеству (с. 64).	Но, в сущности, эти непрерывные толки о «человечестве» ничего не значат: каждый из нас заботится о своем счастье, и мы считаем сумасшедшим того, кто разрушает свое душевное спокойствие вечной заботой о филантропии (с. 269).

При почти буквальной передаче данного монолога очевидны синтаксические и стилистические изменения, внесенные в текст переводчиком «Библиотеки для чтения». Первая же фраза «Я далеко не этого мнения», с одной стороны, подчеркивает противопоставление главного героя своему собеседнику, с другой (будучи не совсем верно построенной), отяжеляет фрагмент, нарушая стройность и лаконичность речи Эрама. Этот же переводчик заменяет местоимения «us» (нас) и «we» (мы) на «я», вводя его три раза, еще раз делая акцент на оппозиции героя не только собеседнику, но и обществу. В тексте перевода «Библиотеки для чтения» применено и вопросительное предложение, отсутствующее в оригинале, что также лишний раз подчеркивает его позицию, делает его речь более эмоциональной. Д.В. Аверкиев передал данные моменты вполне адекватно, в его тексте Юджин Эрам представлен как разочарованный, одинокий персонаж, презирующий человеческое общество и проповедующий крайний индивидуализм, эгоцентризм, следствием которого вполне допускается насилие, пренебрежение общечеловеческими законами морали. Такой образ всецело соответствует замыслу создателя произведения и постепенно подводит читателя к кульминации повествования, а именно – к его исповеди в конце романа.

Именно в главе, посвященной исповеди героя, Бульвер-Литтон демонстрирует всю несостоятельность мировоззрения ученого. Юджин Эрам «изнутри», в мельчайших подробностях описывает весь процесс осознания им неотвратимости преступления, что, по мнению К. Холлингсворта, «удивительно напоминает в общих чертах позднего Раскольникова» [Hollingsworth, 1963, p. 89]. Существование в нищете и желание сделать научное открытие, которое осчастливит все человечество, близость этого открытия и отсутствие средств на его достижение ставят перед главным героем вопросы, на которые он ищет ответы, и решение этих задач приводит его к преступлению.

<i>Eugene Aram</i>	<i>Библиотека для чтения</i>	<i>Перевод Д.В. Аверкиева</i>
<i>What was this wretch? Aged with vice – forestalling time – tottering on to a dishonoured grave – soiling all that he touched on his way – with grey hairs and filthy lewdness, the rottenness of the heart, not its passion, a nuisance and a curse to the world. What was the deed – that I should rid the earth of a thing at once base and venomous? Was it crime? Was it</i>	Это так возмutilо меня против Клерка, что я с наслаждением ухватился за мысль сделать ему зло (с. 189).	И на такие-то дела этот человек расточает золото (с. 226).

justice? Within myself I felt the will – the spirit that might bless mankind. I lacked the means to accomplish the will and wing the spirit (p. 459)¹.

Рассуждения Юджина Эрама представлены в оригинале весьма подробно и занимают около страницы. Очевидно, что писатель придавал процессу становления идеологии своего героя большое значение, собственно это была кульминация повествования, к которому подводил автор в течение всей истории. В свое оправдание Эрам приводит множество доводов, в частности, он сравнивает свой поступок с подвигом солдата: «Nay, suppose the soldier struck for patriotism, a better feeling than glory, would not my motive be yet larger than patriotism?» (Дословно: «Нет, предположим, солдат убивает из патриотизма – лучшее чувство, чем стремление к славе, разве не будет мой мотив весомее, чем патриотизм?»). Показательно, что оба переводчика проигнорировали фрагменты исповеди Эрама и перешли непосредственно к событиям, изображающим само преступление.

Итак, образ главного героя, его поиск и раскаяние, что было особенно интересно для русского читателя 1860 – 1880-х годов, оказался значительно обедненным в обоих переводах. Особенно в переводе «Библиотеки для чтения» вся идея произведения сводится, по сути, к раскрытию преступления и описанию его совершения. Такие тенденции можно объяснить ориентацией переводчиков на массового читателя, для поддержания интереса которого, как известно, необходима интрига и детективное начало.

Особый интерес представляют стратегии перевода «Юджина Эрама» 1860 г. и 1892 г. в области передачи романной формы подлинника, специфику которой сам Бульвер видел в ее сближении с драмой. Прежде всего, в этом плане показателен хронотоп. Действие романа происходит в довольно ограниченном локусе английской деревни. Отметим, что если в других произведениях такой тип художественного пространства непременно подтолкнул бы автора к детальным описаниям пейзажа, на фоне которого разворачиваются действия, то в «Юджине Эраме» таких описаний немного, и, как утверждает Г.М. Перминова, «пейзаж, до сих пор бывший едва ли не главным средством раскрытия характера у Бульвера, здесь (в романе «Юджин Эрам». – И.М.) отодвигается на второй план, становится более лаконичным, как ремарка в пьесе» [Перминова, 1981, с. 66]. Это отчетливо демонстрирует следующий фрагмент:

<i>Eugene Aram</i>	<i>Библиотека для чтения</i>	<i>Перевод Д.В. Аверкиева</i>
<i>Meanwhile, the Student continued his path along the water side, and as, with his gliding step and musing air, he roamed onward, it was impossible to imagine a form more suited to the deep tranquillity of the scene. Even the wild birds seemed to feel, by a sort of instinct, that in him there was no cause for fear; and not stir from the turf that</i>	<i>Не переведено.</i>	<i>Тем временем ученый продолжал прогулку вдоль ручья, и видя как тихими шагами и задумчиво подвигается он вперед, трудно было представить себе фигуру более подходящую к глубокой тишине окружающей местности. Даже дикие птицы точно по инстинкту чувствовали, что</i>

¹ Дословный перевод: «Кто был этот негодяй? Состарившийся от злодеяний – опережающий время – ковыляющий к своей бесславной могиле – порочащий все, до чего он касается на своем пути – седовласый и похотливый, с гнилью в сердце, разве он не бедствие, помеха и проклятье для мира? Будет ли это проступком, если я избавлю мир от существа низкого и злобного? Будет ли это преступлением? Или справедливостью? Внутри себя я чувствовал желание – смысл, который может осязательно оживить человечество. У меня не доставало средств, чтобы осуществить это желание и окрылить идею».

*neighbourhood, or the spray that
overhung, his path).*

*его нечего бояться; они не сле-
тали ни с травы, ни с навесив-
шихся над ним ветвей (с. 209).*

Представленное описание природы и взаимоотношений Эрама с ней, на наш взгляд, довольно важно для построения романного хронотопа и образа главного героя романа. В нем показана гармония главного героя с окружающим миром, на фоне которого еще контрастнее ощущается его отчужденность от человеческого общества: он, как и природное пространство, спокоен и умиротворен, птицы, порхающие вокруг, не боятся приблизиться к нему. Тем не менее, переводчику «Библиотеки для чтения» этот фрагмент не показался столь решающим ни для изображения места действия, ни для создания образа Юджина Эрама, он попросту пропустил его, в то время как Д.В. Аверкиев передал данный нюанс довольно точно (через эпитеты «глубокая тишина», «тихими шагами», сравнение «точно по инстинкту», наконец через авторское утверждение – «трудно было представить фигуру более подходящую к окружающей местности»). В результате перед русским читателем конца XIX века Юджин Эрам предстает отрешенным и погруженным в собственные размышления ученым, предпочитающим общество птиц общению с людьми.

Особое внимание Д.В. Аверкиева к подобным особенностям оригинального текста, возможно, объясняется его профессиональным интересом к драме как драматурга и театрального критика. Все авторские отступления, указания на время, сами принципы воплощения художественного времени переводчик передал без купюр и изменений. Следуя за автором, он пытается «начертать на этих страницах» не столько подробно выписанную историю жизни героя, сколько периоды наиболее острого переживания им своей внутренней драмы.

Большой интерес представляют образы второстепенных героев романа и отношения главного героя с ними. При ближайшем рассмотрении оказывается, что все герои несут определенную идеологию, с которой автор сталкивает Юджина. Таковы, например, старуха Даркменс и Дик Гоузмэн (сообщник Юджина Эрама). Несмотря на низость падения этих персонажей, которую автор, между тем, всегда старается объяснить, в них остались и человеческие чувства, и жизненные принципы. Так, в уста старухи Даркменс писатель вкладывает рассуждения о Божьем суде, за которым следует проанализированный нами выше монолог Эрама о социальном неравенстве:

<i>Eugene Aram</i>	<i>Библиотека для чтения</i>	<i>Перевод Д.В. Аверкиева</i>
<i>What sinnifies preaching? Did not the Blessed Saviour come for poor? Them as has rags and dry bread here will be ixalted in the nixt world; an' if we poor folk have malice as ye calls it, whose fault's that?...Och! there is no jistice in the Lamb, if Heaven is not made for us; and the iverlasting Hell, with its brimstone and fire, and its gnawing an' gnashing of teeth, an' its thirst, an' its torture, and its worm that niver dies, for the like o'you</i> (p. 69).	<i>А от чего бы не так? Разве Спаситель-то не для бедных приходил на землю? Кому здесь лохмотья и сухой хлеб, тому будет на том свете награда. А если мы, бедный народ, злобны, так кто в этом виноват? ... Наше место на небе, а для вас есть другое. В аду, где вечный огонь, скрежет зубов, жажда и муки – вот где ваше место</i> (с. 30).	<i>А что в вашей проповеди? Разве Спаситель приходил не ради бедных? Тому, кто ходит в лохмотьях и ест черствый хлеб, будет награда на том свете. А если мы, бедняки, со злобой, как вы говорите, то по чьей вине? ...Ох, нет правды у Агнца, если рай создан не для нас; а вечный ад, с огнем и серой, и с угрызением, и со скрежетом зубовным, и с жаждой, и с мучением от нее, и с червем бессмертным – не для таких, как вы</i> (с. 219).

Бульвер-Литтон стилистически оформляет речь нищенки, вставляя неверно произносимые слова и сокращения, свойственные просторечному говору. Тем самым автор показывает ее необразованность и принадлежность к низшим слоям общества. Именно эта нищая необразованная старуха рассуждает о преступлении и наказании с нравственно-религиозной точки зрения и проповедует идею упования на справедливость и милосердие Бога. Конечно, при переводе сложно передать указанный выше стилистический оттенок, и переводчик «Библиотеки для чтения» не посчитал нужным сохранить эту стилистическую особенность, а вместе с ним он решил сократить отдельные фразы в речи старухи (*as ye calls it, there is no jistice in the Lamb, its worm that niver dies*). Тем не менее, переводчик верно понял и сохранил суть ее позиции и формы ее выражения: библейские образы и цитаты, столь важные и для обрисовки данного персонажа, и для идеи произведения в целом («Спаситель-то не для бедных приходил на землю», «вечный огонь», «скрежет зубов», «жажда и муки»).

Большое внимание уделил образу старухи Даркменс и Д.В. Аверкиев. Его порой излишне подробный перевод демонстрирует попытку переводчика донести до русского читателя главную идею социального неравенства людей на этом свете и особой благосклонности небес к бедным людям. Однако буквальная передача речи этого персонажа привела переводчика к нагромождению фраз в русской версии: «мы, бедняки, со злобой, как вы говорите», «и с угрызением, и со скрежетом зубовным», «с жаждой, и с мучением от нее», хотя и в этом случае был сохранен библейский контекст: «вечный ад», «огнем и серой», «скрежетом зубовным», «червем бессмертным».

Таким образом, представленный анализ двух русских переводов романа Э. Бульвера-Литтона «Юджин Эрам» демонстрирует различные подходы к передаче содержания и идеи подлинника. Очевидно, что при переводе ньюгейтского романа переводчик «Библиотеки для чтения» намеренно оставлял без внимания те особенности переводного ньюгейтского романа, которые либо были уже не актуальны для русской литературы XIX века (романтические тенденции, развенчание культа утилитаризма и т.д.), либо были заведомо неинтересны для массового читателя (фаустовский образ главного героя, философские рассуждения о культуре и обществе, сложный образ повествователя и т.д.). К тому же переводчику не удалось почувствовать жанровый потенциал переводимого произведения, который напрямую перекликался с жанрово-стилевыми поисками русского романа второй половины XIX в. Что касается перевода Д.В. Аверкиева, в нем явно преследовались иные цели. В переводе, сделанном уже в конце XIX столетия, в целом сохранены художественные особенности иноязычного произведения, своеобразие его проблематики и поэтики, созвучное русскому литературному процессу. Данная версия «Юджина Эрама» преследовала и просветительские цели, придерживалась канонов переводоведения, противоположных массовому переводу, отчего произведение было донесено до читателей в более адекватной и доступной форме, если не учитывать отдельных проявлений буквализма.

Литература

- Егоров Б.Ф. Борьба эстетических идей в России 1860-х годов. Л., 1991.
Жирмунский В.М. Гете в русской литературе. Л., 1982.
Жук А.А. Русская проза второй половины XIX века. М., 1981.
Купченко М.Л. Проблема личности и общества в творчестве Э. Бульвера-Литтона 1828–1831 гг. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1976.

Матвеев И.А. Особенности перевода романа Э. Бульвера-Литтона «Пелэм» на русский язык // Коммуникативные аспекты языка и культуры. Томск, 2001.

Матвеев И.А. Генезис и жанровые особенности ньюгейтского романа (К постановке проблемы рецепции ньюгейтского романа в русской литературе XIX в.) // Известия Томского политехнического университета. Т. 309. 2006. № 6.

Матвеев И.А. Восприятие ньюгейтских романов Э. Бульвера-Литтона в России в 1830–1860-е гг. // Известия Томского политехнического университета. Т. 310. 2007. № 2.

Перминова Г.М. Концепция природы и функции пейзажа в романах Э. Бульвера-Литтона 1823–1834 годов // Уч. зап. Тарт. ун-та. Структура и семиотика художественного текста. Тарту, 1981. Вып. 15.

Engel E., King M.F. The Victorian Novel before Victoria. L., 1984.

Hollingsworth K. Newgate novel, 1830–1847. Bulwer, Ainsworth, Dickens and Thackeray. Detroit, 1963.